

Д.В. Папин

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ В БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОМ ПРИОБЬЕ VIII-VI ВВ. ДО Н.Э.

Введение

Актуальность темы исследования определяется дискуссионностью вопросов, связанных с культурой переходного времени лесостепного Алтая. Историко-культурная ситуация VIII-VI вв. до н.э. в этом районе является неясн.

До конца не решены вопросы происхождения и историческая судьба населения этой культуры. Практически каждый исследователь, рассматривавший проблемы переходного времени от бронзы к железу, имеет свою точку зрения на этнокультурную ситуацию в этом регионе. Резкие расхождения, наличие взаимоисключающих гипотез объясняются многими причинами. Но главная из них - неразработанность источниковой базы. Слишком противоречивы характеристики памятников, материалы большинства из них не опубликованы, либо публикации носят предварительный или обобщающий характер, затрудняющий сопоставление памятников.

Так же следует отметить, что в последние годы были проведены раскопки и обследования памятников переходного времени Барнаульского Приобья, пополнившие круг источников, материалы которых позволяют по новому взглянуть на культурно-историческую ситуацию в регионе (Бобровский грунтовый могильник, поселение Обские Плесы I и т.д.).

Целью работы является выяснение некоторых исторических закономерностей развития общества, проявляющихся в материале археологических памятников VIII-VI вв. до н.э., расположенных в Барнаульском Приобье. В частности, целью работы является выяснение историко-культурной ситуации в переходное время от бронзы к железу, выделение миграционных процессов. Их датировка и культурная принадлежность.

Территориальные рамки работы охватывают довольно небольшой район - Барнаульское Приобье. Хотя границы рассматриваемого района довольно условны, они, отчасти определяются некоторыми природно-географическими и историческими отличиями региона, имеющие значение при анализе региона. К рассматриваемой территории относится, прежде всего, долина р.Обь и долины ее притоков (в основном приустевой части) - рр.Чумыш, Чарыш, Алей. С севера границы рассматриваемой территории несколько севернее г.Камня-на-Оби, примерно на границе Приобского бора, на юге граница определена более условно. Здесь она проходит примерно в районе устья р.Чарыш. Некоторые природно-географические отличия определяются наличием Приобского бора, являющегося островком лесного массива среди обширных лесостепных пространств. Видимо, наличие леса и реки с системой определило особые условия ведения хозяйства населением данного региона. Если на севере границы рассматриваемой территории проходит по краю соснового бора, о на юге она определяется иным критерием. Так как междуречье рр.Бии и Катунь и долины р.Оби в районе г.Бийска в древности являлась контактной зоной лесостепного, лесного и населения горных районов Алтая. Археологические памятники этого района целесообразно рассматривать с памятниками предгорного Алтая.

Хронологические рамки работы определяются VIII-VI вв. до н.э., переходное время от бронзы к железу. Начиная с VIII в. до н.э. в культуре населения Барнаульского Приобья происходят существенные изменения, связанные с миграционными процессами и формированием в соседних степных, лесостепных, горных регионах культур раннескифского облика. Окончательное вовлечение населения Барнаульского Приобья происходит в VI в. до

н.э. Таким образом, рассматриваемые нами VIII-VI вв. до н.э., время существования доскифского населения, связанного с позднебронзовой эпохой.

Источниками послужили для данной темы материалы памятников археологии, накопленные в результате их столетнего исследования, проводившегося под руководством Н.С.Гуляева, М.П.Грязнова, В.А.Могильникова, Ю.Ф.Кирюшина, А.Б.Шамшина, М.Т.Абдулганеева и др. Используются материалы, хранящиеся в фондах археологии Музея археологии Алтая Алтайского госуниверситета, Алтайского краевого краеведческого музея, Бийского краеведческого музея, а также материалы, опубликованные в специальной литературе. Кроме того, в работе использованы материалы с соседних территорий.

Методологической основой работы являются общеполитические подходы к изучению закономерностей формы связи вещей, явлений и процессов, а также основные положения исторического материализма о закономерностях социально-экономического развития общества, влияния географической среды, роли переселения в исторических процессах и т.д. Методика конкретных исследований включает, прежде всего, археологические методы: формально-типологический, датированных аналогий, стратиграфии и планиграфии и др. Научная новизна работы заключается в том, что в научный оборот вводятся материалы новых изученных памятников, обобщается и подробно анализируется такая группа источников, как материалы с памятников с крестовой керамикой. Прделанная работа дает возможность несколько по иному взглянуть на историко-культурную ситуацию в Барнаульском Приобье в VIII-VI вв. до н.э. Апробация основных положений проводилась на региональных студенческих конференциях в городах: Барнаул (1994 г.), Кемерово (1995 г.), Иркутск (1996 г.). Результаты исследований отражены в пяти научных публикациях. Состояние источников и степень изученности тех или иных проблем, а также сформулированные цели исследования диктуют следующую структуру работы. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. В первом параграфе первой главы рассмотрены источники, их история накопления, динамика накопления. Во втором параграфе первой главы затрагиваются вопросы историко-культурной атрибуции памятников и степень обоснованности различных концепций. В первом параграфе второй главы анализируются главные характеристики погребального обряда могильников. Во втором параграфе второй главы объектом исследования является погребальный инвентарь и вопросы датировки могильников. Третий параграф второй главы посвящен поселенческим комплексам. В третьей главе рассматривается историко-культурная ситуация в VIII-VI вв. до н.э.

Глава I.

История исследования и историография памятников VIII - VI вв. до н.э. лесостепного Алтая

1.1. История исследования памятников VIII-VI вв. до н.э. лесостепного Алтая

История исследования памятников VIII-VI вв. до н.э. началась в конце XIX в. и связана с именами ученых-энтузиастов Н.С.Гуляева и М.Д.Копытова. Их изучение носило эпизодический характер и планомерных раскопок не производилось.

Н.С.Гуляев, будучи на должности архивариуса главного архива Алтайского округа, собрал богатые археологические коллекции не только переходного времени, но и раннего железного века (РЖВ), средневековья и др. В 1895 г. им был открыт комплекс памятников у с.Большая речка (с.Чаузово Топчихинского района). Наряду с материалами РЖВ и средневековья, часть их относится и к переходному времени. Сюда он возвращался в 1898 г., 1903 г., 1910 г., 1912 г. Кроме сбора подъемного материала были предприняты и небольшие раскопки. летом 1903 г., кроме работ у с.Большая речка, Н.С.Гуляев произвел исследования

городища, расположенного на левом берегу р.Чарыш, близ С.Елбанки. Впоследствии этот памятник изучался Э.М.Медниковой, В.А. Могильниковым.

В 1915 г. небольшие сборы в пункте Ближние Елбаны (далее - БЕ) предпринял студент ТГУ В.П.Михайлов.

М.Д.Копытов еще будучи волостным писарем с.Фоминское начал активные сборы подъемного археологического материала, часть из которого происходит из пунктов Енисейское, Быстрианский Кордон и относятся к периоду VIII-VI вв. до н.э.

В 20 - 30-е гг. в изучение археологических памятников Алтая активно включаются сотрудники Бийского краеведческого музея (БКМ) С.М.Сергеев и А.П.Марков. Свое внимание они сосредоточили на предгорной зоне Алтая, где ими предпринимались систематические раскопки, кроме того совершались разведки вдоль речной системы р.Оби, обследование уже известных памятников интересующего нас периода. Уже будучи директором Ойротского музея, С.М.Сергеев предпринял раскопки городища Усть-Иша II.

Новый этап исследования памятников переходного времени связан с именем Михаила Петровича Грязнова. В 1925 г. он предпринимает обследование берегов р.Оби от г.Бийска до г.Барнаула и на поселении БЕ I им был заложен небольшой раскоп площадью 16 кв. м. Но вернуться к работам на этом памятнике он смог лишь через 20 лет, когда в 1946 г. возглавил Северо-Алтайскую экспедицию Института истории материальной культуры по изучению комплекса памятников Ближние Елбаны у с.Чаузово. За период с 1946 г. по 1949 г. были проведены крупномасштабные раскопки разновременных памятников, среди них поселение БЕ I, могильники БЕ VII, XII, XIV, относящиеся к переходному времени. Полученный материал позволил реконструировать этнокультурную ситуацию в Верхнем Приобье и создать периодизацию развития древних племен.

Изучение археологического наследия в 50-60-е годы связано с именами А.Д.Сергеева, Э.М.Медниковой и Б.Х.Кадикова, А.П.Уманского. А.Д.Сергеев, работая в 1955-1958 гг. учителем средней школы с.Бобровка, открыл несколько археологических объектов эпохи поздней бронзы, переходного времени и РЖВ. На поселении Мыльниково было вскрыто 18 кв. м., в том числе часть землянки, в 1954 и 1955 гг. проведены сборы на поселении Бобровка. В 1968 г. Э.М.Медникова, сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея (далее - АКМ), провела сборы подъемного материала VIII - VI вв. до н.э. в окрестностях села Крестьянское, в том же году она открыла Бобровский грунтовый могильник и исследовала на нем 24 погребения, в 1970 г. провела сборы подъемного материала на Елбанском городище. В 1987 г. этот памятник изучал В.А.Могильников. Борис Хатмеевич Кадиков, будучи сотрудником БКМ, активно проводил разведки в Троицком, Усть-Пристанском, Зональном, Красногорском районах Алтайского края. В 1956 г. им открыт комплекс на оз.Иткуль, Королев Лог, Пикет, Долгая Грива. А.П.Уманский в 1959 г. открыл памятник Мостовое (Усть-Чумышская пристань I), в керамическом комплексе которого ярко представлена керамика переходного времени от бронзы к железу. С открытием в 1978 г. лаборатории археологии АГУ, руководимой Ю.Ф.Кирюшиным, активизируется деятельность по изучению археологического прошлого Алтайского края. В 1977 г. Ю.Ф.Кирюшин открыл памятник Елунинское Культурное Место (ЕКМ)(Павловский район), где в 1978 г. им был заложен раскоп площадью 60 кв. м. Полученный материал был отнесен к большереченской культуре VIII-VI вв. до н.э. В том же году им же было открыто поселение переходного времени Малый гоньбинский кордон III (МГК III) и исследовано два погребения на Бобровском грунтовом могильнике переходного времени. В 1983 и 1984 гг. им обследовалось поселение Киприно. В 1978-1981 гг. под руководством Ю.Ф.Кирюшина проводятся работы на комплексе археологических памятников в районе озера Иткуль, где на поселениях Костенкова Избушка, Озерки Восточные и Коровья Пристань I, III, Дергач наряду с находками эпохи поздней бронзы получены и материалы переходного времени. В 1975-1976 гг. на Бобровском поселении провели сборы В.Б.Бородаев и

А.Л.Кунгуров. В 1989-1991 гг. М.Т.Абдулганеев исследовал поселения и городища переходного времени Солонцы III, Усть-Иша II, III, Пикет в Бийском Приобье. С 1978 г. в Барнаульском Приобье свои работы начинает А.Б.Шамшин. С 1983 по 1987 гг. им изучается поселение Мыльниково, поселение Аллак III, Обские Плесы I, Казенная Заимка I, Усть-Чумышская Пристань I (Мостовое). С 1993 по 1996 гг. им, совместно с Я.В.Фроловым, раскапывался Бобровский грунтовый могильник. В 1986 г. на поселении Крестьянское IX Г.Е.Иванов предпринимает охранные раскопки, полученный материал отнес к позднеирменскому этапу, по В.И.Молодину.

Таким образом, более, чем за столетний период изучения памятников переходного времени от бронзы к железу выявлено и исследовано более 30 поселений и 4 грунтовых могильника. материал частично опубликован, но его интерпретация вызывает много споров.

1.2. Историография переходного времени лесостепного Алтая

Впервые вопрос о своеобразии памятников VII-VI вв. до н.э. был поставлен М.П.Грязновым в 1956 г. За более чем сороколетний период изучения этой проблемы появилось больше вопросов, чем ответов. Сложилась крайне запутанная историографическая ситуация, связанная с проблемами переходного времени от бронзы к железу в рассматриваемом регионе. Практически каждый исследователь, занимающийся этой проблематикой, имеет свой взгляд на интерпретацию материала, иногда и на содержание понятия "переходный период". Осложняет ситуацию и то, что большая часть материалов опубликована лишь частично, за исключением нескольких комплексов. Наиболее актуальными остаются проблемы реконструкции этно-культурной ситуации и генезиса культур данного периода. Термин "переходный период" фиксирует переходность между историко- археологическими эпохами: бронзы и железа. Этот узловый исторический период совпадает с крупными социально-экономическими изменениями. В археологической литературе в качестве переходных считают периоды (и, соответственно, комплексы), которые отражают промежуточные состояния между археологическими культурами. Переходным периодам свойственны две группы процессов:

1. разрушение старой системы, нарастание в ней мозаичности, эклектизма;
2. формирование новых связей и признаков, превращение их в устойчивые.

По отношению к рождающейся системе, переходный период составляет начальный этап превращения ее в целостность. Возникновение новых структурных зависимостей знаменует окончание переходного периода. Суть переходного периода состоит в превращении одного из многочисленных противоречий в ведущую противоположность, содержание переходной эпохи заключается в рождении нового и должно раскрываться через закономерности переходного процесса количественных изменений в качественные и, прежде всего, через категории качества, количества и меры.

Первую попытку интерпретации материала VII-VI вв. до н.э. лесостепного Алтая предпринял М.П.Грязнов в работе "Древние культуры Алтая" в 1950 г. Он охарактеризовал этот период как последний этап бронзового века и отнес к нему находки и керамику, собранные по берегам рр. Бии и Оби. Позднее, в своей лекции в 1950 г. данный период получил название "Большереченская культура" и был отнесен к культурам РЖВ лесостепного Алтая:

1. Большереченская культура V - III вв. до н.э.;
2. Бийская культура V - III вв. до н.э.;
3. Березовская культура II-I вв. до н.э.

Эти культуры соответствуют трем этапам в Горном Алтае: Майэмирскому, Пазырыкскому и Шибинскому.

М.П.Грязнов отказывается от выделения трех археологических культур и относит все памятники, датирующиеся в пределах VII в. до н.э. - I в. н.э. к одной археологической культуре, назвав ее большеберченской. Эту культуру он разделил на три этапа:

1. Большеберченский VII-VI вв. до н.э.;
2. Бийский V - III вв. до н.э.;
3. Березовский II в. до н.э. - I в. н.э.

Эти этапы он соотнес с появлением железных орудий и с постепенным вытеснением бронзовых орудий железными. Если на первом этапе использовались исключительно бронзовые орудия, то на последнем - железные. К первому большеберченскому этапу им были отнесены поселения Быстринский Кордон, Мыльниково, Бобровка, курганный могильник Березовка I, Томский могильник, могильник Елбан.

Анализируя керамические комплексы памятников, отнесенных им к одному периоду, М.П.Грязнов отмечает преемственность форм между памятниками большеберченского и карасукского времени, в позднекарасукское время получают распространение два новых элемента орнамента: жемчужник с разделителем и зигзаг с усеченными углами. Причем, первый элемент является основным украшением подавляющего числа сосудов на большеберченском и бийском этапах. М.П.Грязнов писал, что "преемственность этих двух орнаментальных мотивов, характерных в карасукское время только для Верхней Оби и получивших распространение там же на поздних этапах, свидетельствует, что здесь с карасукского времени проживала до начала нашей эры одна и та же этническая группа, т.е. изменение культуры населения Верхней Оби следует рассматривать как результат развития одной и той же этнической группы.

Вместе с этим, отмечая преемственность форм инвентаря между карасукскими и большеберченскими памятниками, наблюдаются и резко выраженные отличия: изменился погребальный обряд, появились новые формы посуды, новые украшения, изменилась орнаментация в целом. Причем, как отмечает М.П.Грязнов, все эти изменения происходили не путем постепенного перехода от одних форм к другим, а в относительно короткий промежуток времени и сразу все, т.е. переходный период был коротким, его продолжительность исчислялась жизнью одного - двух поколений и в известных памятниках не нашло отражения, что, вероятно, было вызвано какими-то резкими изменениями социально-экономического существования. Позднее, анализируя материалы кургана Аржан, исследователь пишет: "... теперь появились новые данные, позволяющие пересмотреть хронологию и этапы РЖВ не только Сибири, но и более широкого региона. По нашему мнению, VIII-VII вв. до н.э. это не какой-то конец эпохи бронзы и не какой-то переходный или самостоятельный этнокультурный период, а начальный этап так называемой скифской эпохи". К скифской же эпохе относится и большеберченская культура лесостепного Алтая.

Какое-то время после выхода работы 1956 г. предложенная схема была господствующей среди исследователей Южной Сибири, но по мере накопления источниковой базы возникает новый взгляд на развитие племен Верхней Оби. Так, проведение широкомасштабных работ на памятниках РЖВ Новосибирского Приобья позволило выработать новый подход к периодизации начального этапа РЖВ. В конце 60-х гг. Т.Н.Троицкая пересмотрела тезис М.П.Грязнова об автохтонной линии развития Верхнеобских племен и вычленила в керамических комплексах VII-VI вв. до н.э. Завьялово I, V группу сосудов, орнаментированных фигурным (крестовым) штампом, связав их с влиянием "северных лесных культур", а, возможно, и их носителями". Позже, сравнивая керамику завьяловского и карасукского типов, она пишет, что завьяловский керамический комплекс гораздо ближе к карасукской керамике, чем к керамике V-IV вв. до н.э. и правильнее ее отнести к последнему этапу бронзы, чем к началу большеберченской культуры. Выделение завьяловской культуры VII-VI вв. до н.э., появившейся в результате взаимопроникновения северных лесных и местных ирменских черт,

не сняло остроту проблемы. В 1985 г. Т.Н.Троицкая обратила внимание, что в лесостепной и лесной зонах Зауралья формируется на границе бронзового и железного веков своеобразная культурная общность, связанная с распространением керамики с крестовым штампом на юг. Эта общность распадается на две группы: гамаюно-каменогорскую и молчановско-сургутскую. Причем новые культуры, возникшие в результате этого синтеза, сосуществуют с местным населением, так в Новосибирском Приобье сосуществовали завьяловцы и позднеирменцы, в их керамических комплексах появляются общие черты, но ведущее отличие остается - наличие фигурного штампа. Некоторое время спустя, в совместной работе Т.Н.Троицкой, В.А.Зах, Е.А.Сидорова к завьяловской культуре были отнесены и поселения БЕ I, и могильники БЕ VII, XII, XIV. Предпосылкой для этого послужило то, что в одной из последних работ М.П.Грязнов отнес к завьяловской культуре Томский могильник, а из сравнения могильников под Томском и на БЕ вытекает значительное сходство инвентаря, погребального обряда и, следовательно, их культурное единство.

Анализируя керамику поселений БЕ I, Завьялово I, V, Линево I, авторы приходят к выводу, что она отличается от позднеирменских материалов, и в ней присутствует два компонента: северные лесные черты с позднеирменскими. Опираясь уже на этот, они сравнивают керамический комплекс БЕ I и Ордынское IX (относимый ими к бийскому этапу), исходя из того, что, если керамика с БЕ относится к большереченскому этапу большереченской культуры, то у нее должно быть больше общих черт с материалами бийского этапа, чем с завьяловской культурой, а так как общего между памятником БЕ I и Ордынское IX мало, то БЕ I относится к завьяловской культуре. При таком подходе к ближнеелбанскому комплексу закрывается большереченский этап большереченской культуры, т.к. все памятники, отнесенные ранее М.П.Грязновым к большереченскому этапу, теперь отнесены к завьяловской культуре, хотя именно непохожесть керамики Завьялово I, V на ближнеелбанскую не позволило Т.Н.Троицкой отнести эти городища к большереченскому этапу в ранних своих работах.

Однако, надо отметить, что исследователей запутывает тот факт, что, выделяя внутри единой большереченской культуры при взаимосвязанных этапах, М.П.Грязнов писал о преемственности орнамента большереченского этапа (VII-VI вв. до н.э.) и бийского этапа (V-III вв. до н.э.), к бийскому же этапу он отнес бронзолитейную мастерскую с березовской керамикой. Поэтому исследователи стали относить к бийскому этапу памятники, используя либо дату периода V-III вв. до н.э., либо по признакам орнамента керамики. Попытка решения проблемы различного понимания термина бийский этап была впервые предпринята Я.В.Фроловым. Затем эта тема была разработана М.Т.Абдулганеевым, группу памятников, на которых преобладает комплекс керамики, описанный М.П.Грязновым и названной им бийской, он выделяет в особый этап развития культуры населения переходного времени Барнаульско-Бийского Приобья и датирует его предварительно VI- нач. V вв. до н.э. В 1981 г. в обобщающей работе "Бронзовый век Западной Сибири" М.Ф.Косарев, характеризуя гамаюнскую культуру, обосновал выделение переходного периода от бронзы к РЖВ в особую историческую эпоху, датировав его в пределах VIII-VII вв. до н.э. и VII-VI вв. до н.э., и отнес к ней памятники гамаюнского, завьяловского, красноозерского и молчановского типа. Так же как и Т.Н.Троицкая, он связывает появление поселений Завьялово I, II с "миграционной волной с севера, начавшейся в таежных глубинах Западной Сибири и докатившейся до Новосибирского Приобья к VII-VI вв. до н.э.", но в отличие от Т.Н.Троицкой, М.Ф.Косарев видит в завьяловской культуре один из вариантов большереченской культуры, и, по его мнению, памятники завьяловского типа не могут рассматриваться в отрыве от раннего (большереченского) этапа этой культуры. По итогам работы в Барабинской лесостепи, В.И.Молодин выделил позднеирменские памятники кон. VIII - нач. VII вв. до н.э., являющиеся переходными к большереченской культуре. При этом он отметил, что эти памятники представляют собой автохтонную линию развития, в отличие от Верхней Оби, где эту эволюцию ирменской культуры прерывают мигранты с севера (), т.е. позднеирменский этап является здесь промежуточным в эволюционно- генетической линии ирмень - поздняя ирмень - большеречье. И с выделением этого типа находят объяснение такие элементы орнамента, как двойной ряд жемчужника и жемчужник с разделителем. Но с VII вв. до н.э. в Верхнее Приобье начинают

проникать носители крестовой керамики и накладываться на позднеирменский пласт, этим датируется его нижняя граница.

Учитывая своеобразие большереченского этапа большереченской культуры и его отличие от памятников, VI-I вв. до н.э. лесостепного Приобья, В.А.Могильников на конференции 1986 г. "Скифская эпоха Алтая" предложил закрепить название большереченской культуры лишь за памятниками большереченского этапа, при этом, учитывая датировку кургана Аржан М.П.Грязновым VIII-VII вв. до н.э., и наличие в комплексе Ближние Елбаны вещей аржано-черногорского типа: трехдырочных изогнутых псалий, трехжелобчатых бляшек, двухлопастных бронзовых наконечников с шипом, предложил дату большереченской культуры "скорее всего вторая половина VIII вв. - первая половина VII вв. до н.э. В состав большереченского этноса, по его мнению, вошли незначительная часть населения с крестовой орнаментацией, вместе с корчажкинцами и остатками ирменцев и в небольшой степени население эпохи финальной бронзы с валиковой орнаментацией керамики.

К мнению о своеобразии большереченского этапа и о логичности выделения большереченской культуры в рамках второй половины VIII-VI вв. до н.э. присоединился А.Б.Шамшин, но, учитывая своеобразие керамического комплекса поселения Мыльниково с сильными позднебронзовыми традициями, прежде всего корчажкинскими, а не ирменскими. Наличие на поселении датируемых вещей: нож с аркой на кронштейне, двушковый кельт с ушками у края втулки переходящими в валик, каменные и костяные трехжелобчатые бляшки датируемых VIII-VII вв. до н.э. Отраженный именно в мыльниковской керамике переход позднебронзовой орнаментации в орнаментацию большереченского этапа, позволило ему выделить ранний мыльниковский этап в большереченской культуре переходного времени, а комплекс ближнеелбанского типа отнести к ближнеелбанскому этапу VII-VI вв. до н.э. той же культуры. Рассматривая проблему генезиса культуры, А.Б.Шамшин согласился с мнением Т.Н.Троицкой об отнесении памятников VIII-VI вв. до н.э. лесной и лесостепной зоны к особому кругу памятников: гамаюно-каменогорской - молчановско-сургутской общности сосуществующей раннескифскому периоду, но при этом не считает, что северный компонент смог прервать местную линию развития. Крестовый штамп органично вписывается в существующую схему орнаментации и не нарушает декор.

Интересную точку зрения высказала в своей последней работе "Поселения эпохи перехода от бронзы к железу в Западной Сибири" Н.Л.Членова. По ее мнению, рассматриваемые ею памятники лесостепного Алтая, относимые другими исследователями к большереченской культуре переходного периода: поселение Мыльниково, Бобровка, Аллак и др., могут быть условно названы "переходными", сочетание ирменских и большереченских компонентов на каком-либо памятнике свидетельствует, что эти компоненты просто результат смешения той и другой культуры, а не показывает, что он переходный по времени между ирменской и большереченской эпохой, т.е. в культурном плане можно сказать, что памятник "более ирменский, чем большереченский", "более большереченский, чем ирменский", "сильно смежные". "Я не считаю, что "переходные" от ирменских к большереченским памятникам следует выделять в особый хронологический этап. Процесс...перехода был длительным "большереченская керамика и инвентарь как бы вызревал в ирменской среде и "переходные" большереченские памятники синхронны поздним ирменским. В VII-VI вв. до н.э. ирменская культура сосуществовала с большереченской культурой".

Близкое мнение изложил В.В.Бобров, предложивший в материалах переходного времени Верхней Оби выделить три комплекса: позднеирменский с чертами культур поздней бронзы, большереченский переходный с доминантой признаков культур РЖВ, завьяловский, имеющий ту же характеристику, но содержащий колорит таежной культурной традиции. Дифференцировать большинство памятников, с точки зрения комплексов, не удастся (особенность переходных периодов), поэтому решать вопрос на уровне "археологической культуры" чрезвычайно сложно и, возможно, неправомерно.

Как кажется такой подход частично обусловлен тем, что ирменская культура, по Н.Л.Членовой, доживает на Алтае до VII-VI вв. до н.э. и большереченскую культуру считает культурой РЖВ с нач. VII в. до н.э. Но другие исследователи конец ирменской культуры относят к сер. VIII в. до н.э. Тем более, что выделение переходного периода не отрицает сосуществование культур. Придерживаясь мнения Л.С.Клейна на археологическую культуру как на совокупность памятников, объединенных и отличающихся от прочих исключительным или преобладающим проявлением ряда существенных типов, связанных сильной корреляцией и относящихся к нескольким из важнейших категорий инвентаря, и, исходя из того, что между памятниками данного периода много общих черт (рассмотрено будет ниже), нам кажется неправомерно отказываться от такой категории, как "археологическая культура" Таким образом, в современной историографии периода VIII-VI вв. до н.э. Верхнего Приобья можно выделить три подхода к рассмотрению проблемы:

1. рассмотрение памятников VIII-VI вв. до н.э. в рамках переходного периода от бронзы к железу (М.Т.Абдулганеев, В.А.Могильников, В.И.Молодин, М.Ф.Косарев, Т.Н.Троицкая, А.Б.Шамшин);
2. выделение переходного типа (комплексов) памятников между культурами поздней бронзы и РЖВ (Н.Л.Членова, В.В.Бобров);
3. отнесение памятников VIII-VI вв. до н.э. к начальному этапу формирования скифской эпохи (М.П.Грязнов)

Глава II

Описание и анализ материалов памятников VIII-VI вв. до н.э. Барнаульского Приобья

2.1. Погребальный обряд грунтовых могильников VIII - VI вв. до н.э. Барнаульского Приобья

В настоящее время на Алтае известно пять могильников, которые достоверно можно отнести к большереченской культуре переходного времени. Это могильник БЕ VII, на котором раскопано 63 могилы, отнесенных М.П.Грязновым к большереченскому этапу, БЕ XII - 14 могил и БЕ XIV - 10 могил. Бобровский грунтовый могильник (далее БГМ), где раскопано 56 могил переходного времени. Грунтовый могильник Мыльниково, где на территории поселения вскрыто 4 могилы, 3 из которых можно отнести к интересующему нас времени. Всего 146 могил.

Все известные могильники расположены на правом берегу р.Обь и приурочены либо к дюнам в высокой пойме (комплекс БЕ), либо к верхним надпойменным террасам (БГМ).

Планиграфию можно восстановить на материале БГМ: здесь могильное поле образует своеобразную сетку, где могилы вытянуты по линиям северо-запад - юго-восток и юго-запад - северо-восток. Особенно четко ряды читаются в южной части раскопа, максимальное расстояние между могилами 4 м, минимальное - 1,5 м. На всех могильниках встречены как взрослые, так и детские захоронения. Погребальный обряд стабилен. Большинство захоронений на глубине 0,4 - 0,5 м. Вероятно, погребения совершались в небольшой (1,2 м x 1,0 м) овальной или подпрямоугольной яме, которая была, видимо, углублена в материк на 0,1 - 0,15 м. Деревянные конструкции зафиксированы лишь в могиле N 19 БГМ и в NN 2, 4, 13 БЕ XII. Что касается могил NN 2, 19 с БЕ VII, где встречены деревянные конструкции, отнесенные М.П.Грязновым к большереченскому этапу, то автор дипломного сочинения, учитывая особенности этих погребений (положение вытянуто на спине, своеобразный инвентарь), согласен с мнением Я.В.Фролова, который отнес эти захоронения к староалейской культуре. В двух случаях на БГМ (могилы NN 37, 41) обнаружены остатки бересты над могилой, в могиле N 22 северо-восточный и северный край захоронения были обложены гальками. На БЕ VII

береста зафиксирована в могилах NN 22, 23, 66. В ряде погребений в заполнении найдены угольки, прокал над могилой, некоторые скелеты сильно обожжены. Видимо, над погребенными сооружался костер. В общем, следы огня зафиксированы в 13 случаях на могильнике БЕ VII и в 19 - на БГМ. Положение погребенных довольно стабильно. В подавляющем большинстве они положены скорчено на правом и на левом боку. В одном случае на БГМ в детском погребении скелет лежал вытянуто на спине, что касается умерших на БЕ в подобном положении, то о них писалось выше.

Более вариантна ориентация. На БГМ на юг ориентировано 18 скелетов Ю-3 - 22, ЮЮВ, ЮВ - 8 и в одном случае на запад. В парной могиле N 30 на СВ. На могильном комплексе БЕ 66 похороненных уложены головой ЮЗ, ЮЮЗ; двое на юг и один на СВ.

В остальных случаях ориентацию установить не удалось. Интересным является тот факт, что встречено относительно большое количество потревоженных захоронений, например, на могильнике БЕ VII из 63 могил, отнесенных М.П.Грязновым к большереченскому этапу, 22 потревоженных, т.е. в погребении лежат отдельные части скелета, но в сочленении. Возможно, это свидетельствует о том, что умерший лежал некоторое время на открытом месте, затем был погребен. В этом плане очень интересна могила N 36 на БГМ, где был найден только череп взрослого человека, ее размеры 0,6 м x 0,42 м свидетельствуют о ее ритуальном значении, и могила N 1 пос.Мыльниково, где найден только череп и бронзовый наконечник стрелы.

Обычно в одном захоронении был погребен один человек. Встречено шесть парных погребений. Обращает на себя внимание парное захоронение из могилы N 30 БГМ, два взрослых человека были погребены на правом боку, головой на СВ. У скелета из погребения N 2 отсутствуют кости кистей рук и лучевые кости (обрублены), в черепе - пробоина. В локтевой части правой руки застрял бронзовый наконечник стрелы, один - в районе позвоночника. Еще два найдены в районе грудной клетки и под черепом N1.

Сопроводительный инвентарь погребенных довольно беден. На БГМ оказалось 19 могил без инвентаря, на БЕ VII - 23, на БЕ XII - 6, на БЕ XIV - 3. Сосуды зафиксированы в 28 погребениях (БГМ - 12, БЕ VII - 9, БЕ XII - 1, БЕ XIV - 2, Мыльниково - 1), в одном случае в могиле стояло два сосуда (могила 55 БГМ). В сосудах, вероятно, находилось жидкая пища. В единичных случаях в могилу была положена мясная заупокойная пища, кости животных встречены только на БГМ. Видимо, набор погребального инвентаря женщин и мужчин отличался, так, в женских погребениях основными находками являются украшения, булавки, иглы, а в мужских - ножи и наконечники стрел. Правда, следует отметить, что пол большинства умерших неизвестен, ввиду отсутствия антропологических заключений.

На поясе или в районе живота встречается бронзовый нож или его обломок. Зафиксировано 16 бронзовых ножей и 8 обломков. Оружие является очень редкой находкой, оно найдено только в трех погребениях. Это бронзовые наконечники копий и стрел, и в 14 погребениях встречены костяные наконечники стрел. Встречено в могильниках и несколько оселков (6 экземпляров). Довольно массовой категорией инвентаря, найденного в захоронениях, являются украшения: ожерелья и подвески в виде зубов животных, трубочки-пронизки, медные, каменные и бронзовые нашивные бляшки, бронзовые налобные бляшки. Из БГМ известна золотая серьга (могила N 24) и медный перстень (могила N 22). Так же часто в погребениях встречаются астрагалы, (в могиле N 108 БЕ VII обнаружено 55 штук) некоторые из них имеют сверленное отверстие для подвешивания.

2.2. Погребальный инвентарь

Как уже отмечалось, погребальный инвентарь довольно беден. Оружие в погребениях VIII-VI вв. до н.э. лесостепного Алтая представлено следующими категориями:

1. оружие дальнего боя - наконечники стрел;
2. оружие ближнего боя - наконечники копий;

Оружие дальнего боя

Наиболее массовой находкой этого типа вооружения являются наконечники стрел. В подавляющем большинстве применялись наконечники из кости, реже - из бронзы.

Бронзовые наконечники стрел представлены как втульчатыми, так и черешковыми.

Черешковые наконечники стрел представлены тремя экземплярами, они происходят из парного захоронения (могила N 30, скелет N 2 БГМ). Два наконечника - трехлопастные, форма пера треугольная, лопасти срезаны под острым и тупым углом, один с трехгранной боевой головкой сводчатой формы (Рис.).

Трехлопастные и трехгранные черешковые наконечники появляются в эпоху поздней бронзы. Более массово встречаются с VIII в. до н.э. и бытуют вплоть до IV - III вв. до н.э. Основные районы их распространения: Казахстан, Тува, Монголия (). В памятниках X-VIII вв. до н.э. они известны в Восточном Казахстане (бегазы дандыбаевская культура). В Западной Сибири один такой наконечник найден в Еловском могильнике, датируемом X-VIII вв. до н.э. В Минусинской котловине бронзовый трехлопастной черешковый наконечник найден в комплексе с довольно архаичными предметами и датируется VIII-VII вв. до н.э. В Туве подобные наконечники происходят из комплексов Аржанского этапа алдыбельской культуры VIII-VI вв. до н.э. На Алтае наконечники такого типа известны из могильников староалейской культуры РЖВ (могильник 1 МГК I, могила 15; Обские Плесы II, могила 33; Староалейка II, могилы NN 24, 39, 48) и быстринской культуры VI-IV вв. до н.э. Г.Е.Иванов наконечники подобных форм относит к трем разным типам и отличает их друг от друга углом среза пера по отношению к насаду (прямой, тупой, острый) и форме боевой головки: трехлопастная и трехгранная, типы A2 B1 и A1 B2 датируются, соответственно, VII-VI и V-IV вв. до н.э. Но наконечники из БГМ представляют собой оба типа, и грани одного из них срезаны под разными углами. Таким образом, трехгранные и трехлопастные наконечники стрел из БГМ следует датировать VII в. до н.э., рассматривая их в комплексе с погребальным обрядом. Следующий наконечник, на который следует обратить внимание, это бронзовый трехгранный со скрытой втулкой, также происходит из могилы N 30 БГМ. Бронзовые наконечники, подобные этому, датируются VI - V вв. до н.э., и были широко распространены в южном Приуралье, Казахстане, Туве. На Алтае они найдены в Новообинцевском кургане VI-V вв. до н.э.

Следующий экземпляр - это наконечник из погребения N 61 могильника БЕ VII. Он бронзовый листовидный, ассиметрично-ромбический, с шипом у основания. Подобный тип стрел имел широкое распространение от Причерноморья до Тувы. Ближайшими аналогами этому экземпляру являются наконечники из городища Завьялово I, Елбанки, поселения Мыльниково, Инбернь VI, датируемых (VIII) VII-VI вв. до н.э., кургана Аржан в Туве, кургана 5 ж могильника Карамуртук I в Центральном Казахстане, относящегося к тасмолинской культуре, в памятниках майэмирского типа. Н.Л. Членова датирует такие наконечники, найденные на Алтае, VII - VI вв. до н.э. По мнению К.Ф.Смирнова, данный тип наконечников стрел с шипом относится ко времени не позднее VII вв. до н.э., вероятно, возник он в восточных степях Евразии еще в позднекарасукское время. Самые ранние формы подобных наконечников найдены в кургане Аржан (VIII-VII вв. до н.э.).

Г.Е.Иванов периодом наибольшего распространения ассиметрично-ромбических наконечников в Сибири считает вторую половину VIII - VII вв. до н.э.

Промежуточное положение между оружием и орудиями труда занимают костяные наконечники стрел. Но, так как они встречаются в составе колчаных наборов вместе с

бронзовыми боевыми в памятниках переходного времени и РЖВ (колчаный набор пос.Мыльниково, мог.Староалейка II могилы 24, 38, 48) их, видимо, очень широко применяли наряду с боевыми. Всего нами учтено 46 наконечников из 12 погребений (БГМ, мог. NN 10, 27, 31, 34; БЕ VII мог. NN 5, 28, 61, 64, 92, 105, 108; БЕ XIV мог. N 36). Большинство наконечников черешковые трех и четырехгранные, головки сводчатой формы и имеют по два выступа у основания пера, образующие прямой или острый угол по отношению к насаду. Первая, наиболее крупная группа, это наконечники средних размеров 5 - 10 см. Вторая группа - это наконечники крупных размеров 10 - 17 см, один был найден в БГМ (мог. N 31), а три других на БЕ VII (мог. N 5). Этот тип встречен на поселениях переходного времени БЕ I, Мыльниково, Елунинское культовое место в более позднее время в VI-V вв. до н.э. количество находок подобных наконечников стрел уменьшается, вновь крупные наконечники стрел появляются в памятниках лесостепного Приобья III-I вв. до н.э. Третью группу составляют четырехгранные со скрытой втулкой из колчанного набора БГМ (мог. N 34). Большинство исследователей считают, что подобные наконечники появляются в VIII-VI вв. до н.э. и служат имитацией бронзовых втульчатых наконечников стрел. В памятниках Верхнего Приобья известны из материалов пос.Мыльниково, Елунинское культовое место, Ближние Елбаны, где датируются тем же временем (VIII-VI вв. до н.э.).

Оружие ближнего боя

К этой категории относятся два наконечника копья, найденных в могилах NN 10, 61 могильника БЕ VII. Они имеют лавролистную форму со сплошным пером, круглым в сечении стержнем и длинной выступающей втулкой, снабженной в нижней части противоположными отверстиями для крепления наконечника к древку.

Копья этого типа широко распространены в Евразии в VIII-VI вв. до н.э. (). Материалы могильника Шанцулин (15 экз.), относящегося к периоду государства Го, уточняют дату этого типа IX- первая половина VII вв. до н.э. Подобный вид изделий для лесостепного Обь-Иртышья, по Г.Е.Иванову, относится к типу А II Б 5 и датируются VIII - VII вв. до н.э.

Следующей категорией инвентаря, на которую следует обратить внимание - это орудия труда. Они представлены бронзовыми ножами, иглами, оселками. Всего учтено 12 целых бронзовых ножей из комплекса БЕ и 4 из БГМ, они пластинчатые со слабовыделенной рукоятью, представлены несколькими группами:

1. три ножа небольших размеров (6-8 см) аморфной формы, видимо, сделаны из обломков более крупных (мог. NN 28, 61 - БЕ VII, мог. БГМ). Так же в погребениях мог. БЕ VII вместо целых ножей в семи случаях известны их обломки. Такого вида находки очень часто встречаются в памятниках поздней бронзы и переходного времени;

2. следующий тип более распространен. Это ножи средних и малых размеров со сплошной рукоятью без наверший, шесть экземпляров происходит из мог. NN 5, 10, 14, 63 БЕ VII и два из БГМ. Ножи подобных типов являются стандартной находкой для памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени. Н.Л.Членова датирует время появления этих ножей VIII в. до н.э. и опровергает А.В.Матвеева, который считает, что появление подобных ножей в Западной Сибири произошло еще в эпоху бронзы. В эпоху раннего железа их количество уменьшается, но они встречаются в лесостепном Приобье в памятниках староалейской культуры ().

Н.Л. Членова считает их характерными для памятников Алтая. Следующий тип - нож "ланцетовидной формы", очень узкий с черенковидной рукоятью и коротким узким лезвием, происходящий из мог. N 93 могильника БЕ VII. Самая ранняя форма такого типа известна из памятника поздней бронзы пос. Новоильинка, которое датируется XII-IX вв. до н.э. В

памятниках переходного времени один нож известен из Минусинской котловины (Баитовская группа памятников). Более широко подобный тип распространен на Алтае в эпоху РЖВ.

Отдельную группу составляют ножи с монетовидным навершием, к ним относится нож из могильника БЕ VII (мог. N 24) и БГМ (мог. N) (Табл.), нож из которой имеет намеченное навершие. Аналогии изделиям подобного вида известны в памятниках ирменской культуры: могильник Камышенка К 67, Журавлево I, Еловский могильник II.

Н.Л.Членова ножи с монетовидным навершием датирует VIII-VII вв. до н.э. ().

Последний тип бронзовых пластинчатых ножей составляет нож из Мог. БЕ XIV (мог. N 10).

Оселки - учтено шесть экземпляров (мог. БЕ VII, мог. N 14, 92; БЕ XIV, мог. N 36; БГМ мог. N). Все они небольшие плоские, четырехугольные, с отверстием в верхней части. Один узкотелый, подквадратный в сечении. В Верхнем Приобье оселки появляются в могилах и на поселениях ирменской культуры IX -VIII вв. до н.э., известны также в могилах РЖВ староалейской культуры. Некоторые исследователи считают, что узкотелые оселки наиболее ранние и датируют их X- VIII вв. до н.э.

На широкое распространение оселков по Евразийской степи обратил внимание М.П.Грязнов, считая, что в них был заложен сакральный смысл. Медные иглы, бронзовые проколки и костяные острия являются распространенной находкой, начиная с эпохи бронзы, и как таковыми датирующими не являются.

Украшения

Следующая массовая категория инвентаря - украшения. К ней относятся: костяные, бронзовые и каменные нашивные бляшки, серьги, ожерелья и подвески в виде зубов животных, бронзовые налобные бляхи и др. Трехжелобчатые бляшки (застежки) аржанского типа. Обнаружены в могилах NN 28, 42, БГМ и в мог. NN 10, 22 (в составе нагрудного украшения) БЕ VII, в могилах NN 4, 2, 14 БЕ XII. Самые древние изделия подобной формы датируются VIII в. до н.э. и известны во всех культурах скифо-сибирского мира до V в. до н.э. В Верхнем Приобье подобные изделия встречены только в памятниках переходного времени от бронзы к железу VIII-VI вв. до н.э. Обращает на себя внимание нестандартность алтайских застежек, возможно, они являются копиями с классических оригиналов. Наиболее массовой находкой из украшений являются бронзовые налобные нашивные бляшки (крепились на головной убор). Девять экземпляров найдено в БГМ и десять - на БЕ. Они представляют из себя небольшие плоские бронзовые пластинки подчетыреугольной формы. Находки подобных бляшек в других пунктах Верхнего Приобья пока не известны, но украшение головного убора бронзовыми полусферическими бляхами и пронизями является традицией погребений ирменской культуры.

В могиле N 4 БЕ XII и могиле N 18 БГМ найдены ожерелья из зубов животных. В могиле N 22 БЕ VII найдена медная серьга, в могиле N 24 БГМ - золотая серьга. На скелете N 2 парного захоронения могилы N 22 БЕ VII сохранились остатки шейного и нагрудного украшения: трубочка-пронизка, пронизь из бронзового наконечника стрелы с отломленным острием, сердоликовая бусина, аргилитовая бляшка, шесть бронзовых нашивных бляшек с остатками шнурков.

В могиле N 21 БЕ XIV встречены два трехдырчатых изогнутых псаля, в могиле N 3 поселения Мыльниково найден обломок псаля. На территории Западной Сибири такой тип изделия появляется в конце VIII-VII вв. до н.э., на поселениях Еловка, Ирмень I, в кургане N 14 могильника Еловка II найдены два обломка костяных псалий с зооморфным навершием ().

По мнению Н.А.Боковенко, роговые изогнутые псалии появляются в конце II тыс. до н.э. Наиболее близкая находка псалиев происходит с городища Елбанка, где они датируются "VIII-VII вв. до н.э., а возможно IX-VIII вв. до н.э.". Керамика

Довольно часто в грунтовых могильниках переходного времени встречается керамика. Учтено 26 сосудов из достоверных грунтовых могильников: БЕ VII (9 экз.), БЕ XII (1 экз.), БЕ XIV (2 экз.), БГМ (13 экз.), могила N 2 с поселения Мыльниково (1 экз.). Керамический комплекс представлен сосудами различных форм. Выделяется четыре типа:

1. слабо профилированные горшки с широким горлом и слегка отогнутой шейкой (3 экз.). Два сосуда найдены над погребениями NN 5, 18 БГМ, они орнаментированы двойным рядом жемчужника и елочкой. В могиле N 2 поселения Мыльниково обнаружен сосуд, орнаментированный валиком и двойным рядом жемчужника. Идентичный горшок встречен на поселении Мыльниково переходного времени;

2. круглодонные сосуды с короткой прямой шейкой, округлым приплюснутым туловом и выделенными плечиками (3 экз.) из БГМ. Данный вид посуды орнаментирован по шейке косыми отпечатками гребенчатого или гладкого штампа, по плечикам, в одном случае, идет зигзаг, в двух других, орнамент выполнен ямками;

3. тремя экземплярами представлены небольшие круглодонные сосуды с отогнутой шейкой и профилированными плечиками. Один из них орнаментирован двумя рядами зигзага, а два других отпечатками крестового штампа. Вся посуда происходит из БГМ, могилы NN 40, 45;

4. последний тип сосудов составляют небольшие широкогорлые чашечки, наиболее часто встреченные в погребениях (могилы NN 1, 24, 50, 54, 55 - 2 экземпляра, 56 БГМ и в могилах NN 7, 27, 66, 69, 87, 90, 93, 95 БЕ VII; могилах NN 16 БЕ XII; могилах NN 4, 41 БЕ XIV). В двух случаях на БЕ они орнаментированы косыми отпечатками гребенчатого штампа и еще в двух - прочерченными линиями.

Остальные чашечки без орнамента. Особенностью этого типа является наличие на мисочках небольших носиков-сливов: один из сосудов могилы N 55 БГМ и, возможно, чашечка из могилы N 90 БЕ VII.

Погребальная посуда исследуемых могильников носит ярко выраженный ритуальный характер и, тем самым, отличается от керамических комплексов поселений большереченской культуры переходного времени. Одним из ведущих отличий является наличие в погребениях чашечек четвертого типа (14 сосудов из 26 неорнаментированы), тогда как в предшествующую эпоху поздней бронзы такой тип погребальной посуды не зафиксирован, хотя в орнаментальной композиции такой элемент как зигзаг встречается в ирменской культуре, а также характерен для поселенческой керамики переходного времени. Что касается первого типа погребальной керамики, представленной слабопрофилированными горшками, то условия их обнаружения (два над могилами, один в могиле на поселении) не позволяет их напрямую связывать с ритуальным инвентарем умерших. Обращают на себя внимание два сосуда третьего типа, орнаментированные крестовым штампом. Крестовый штамп на Алтае не встречается ни в прошлые эпохи, ни в последующие. Традиционно его связывают с проникновением с севера таяжских племен. Своеобразие орнаментальной схемы этих двух сосудов заключается в том, что первый сосуд украшен только отпечатками крестового штампа, а на втором орнамент занимает 2/3 сосуда (хотя на керамике этого периода декор занимает верхнюю треть) и его орнаментация больше характерна для второй группы молчановской керамики. Единственные аналогии этим двум сосудам происходят из Томского грунтового могильника, где стенки двух полусферических чашек заполнены крестовым штампом. Надо еще отметить тот факт, что в керамических комплексах этого периода крест не нарушает декор, а органично в него вписывается: делит декор на зоны, является разделителем в ряду жемчужника и т.д. По всей

видимости на этих двух сосудах отразилась еще не трансформированная под влиянием местных условий крестово-штампованная традиция.

2.3. Поселенческие комплексы VIII - VI вв. до н.э. в Барнаульском Приобье

В настоящее время в Барнаульском Приобье известно памятников, материалы которых относятся к большереченской культуре переходного времени VIII-VI вв. до н.э. Все они приурочены к обской речной системе и обычно располагаются на краю Приобского бора, на высоких надпойменных террасах или останцах. Далее дается краткое описание памятников.

1. Аллак III. Каменский район. Поселение. (У-Аллак, по М.Н.Комаровой). Находится на высоком и длинном мысу, образованном левым берегом р.Аллак и правым берегом р.Оби. Памятник открыт М.Н.Комаровой в 1953 г.

2. Киприно. Шелаболихинский район. Разновременный материал, в том числе и переходного времени. Поселение расположено на дюнах надпойменной террасы левого берега р.Оби. Открыто М.Н.Комаровой в 1953 г. и обследовано Ю.Ф.Кирюшиным в 1983 и 1984 гг.()

3. Усть-Чумышская Пристань I. (Мостовое). Многослойное поселение. Находится на елбане Обско-Чумышской поймы. Открыто А.П.Уманским в 1959 г. В 1978 г. обследовалось А.Б.Шамшиным и раскапывалось им в 1980 и 1984 гг. Вскрытая площадь 62 кв. м., встречены материалы переходного времени.

4. Гоньбинский кордон III. Первомайский район. Поселение переходного времени находится на большом мысу, образованном обской протокой. Памятник открыт Ю.Ф.Кирюшиным в 1978 г.

5. Казенная Заимка I. Многослойное поселение. Находится вдоль правого края оврага параллельного обскому берегу. Поселение раскапывалось А.Б.Шамшиным, общая вскрытая площадь 136 кв.м. В небольшом количестве встречена керамика переходного времени.

6. Мыльниково. Первомайский район. Поселение находится на невысоком склоне Мыльниковской протоки. Открыто А.Д.Сергеевым в 1954 г., вскрывшем на памятнике 18 кв. м. В 1983 - 1987 гг. раскапывалось А.Б.Шамшиным. Обнаружено большое количество материалов переходного времени.

7. Елунинское культовое место. Павловский район. Памятник находится близ с.Елунино на узком мысу, выходящем к р.Оби, на краю высокого (до 100 м) обрыва обского берега. Памятник относится к переходному времени. Открыт в 1977 г. Ю.Ф.Кирюшиным и раскапывался им же в 1978 г. Общая вскрытая площадь около 60 кв, м.

8. Староалейка IV.

9. Крестьянка. Сборы 1966 г. Э.М.Медниковой в окрестностях с.Крестьянка. Среди разновременных материалов, хранящихся в АККМ, есть небольшое количество керамики переходного времени с крестовым штампом.

10. Ближние Елбаны I. Топчихинский район. Поселение большереченской культуры VIII-VI вв. до н.э. Открыто Н.С.Гуляевым, исследовалось М.П.Грязновым в 1946, 1947 и 1949 гг. Вскрыты остатки трех землянок.

11. Елбанка. Усть-Пристанский район. Городище находится в пойме р.Чарыш, прослеживаются остатки вала и заплывший ров. Памятник открыт Н.С.Гуляевым. В 1968 г. Э.М.Медникова провела сборы подъемного материала и шурфовку городища. В 1987 г. работы на памятнике проведены В.А.Могильниковым. Получены материалы переходного времени VIII-VI вв. до н.э. и РЖВ.

12. Долгая Грива. Многослойное поселение. Находится на дюнах в 2 км от с.Камышенка. Памятник открыт М.Д.Копытовым и С.М.Сергеевым, проводившими здесь сборы в 1928 и 1936 гг. М.П.Грязнов назвал это поселение Камышенка I. В 1969 г. оно обследовалось Б.Х.Кадиковым и Н.Л.Членовой, ими собрана керамика переходного периода.

13. Поселение Дергач. Зональный район. Многослойное поселение, находится на оз.Иткуль. Открыто в 1978 г. Ю.Ф.Кирюшиным. В 1978 г. им вскрыто 60 кв. м. площади памятника. Встречны несколько фрагментов керамики переходного времени.

14. Костенкова Избушка. Многослойное поселение находится на оз. Иткуль. На мысу омываемом с двух сторон озером и протокой. Открыто в 1956 г. Б.Х.Кадиковым. Раскапывалось Ю.Ф. Кирюшиным в 1978 - 1981 гг. Общая вскрытая площадь 2.310 кв.м.

Среди большого количества позднебронзового материала есть несколько фрагментов, относящихся к переходному времени. За прошедшие годы после публикации М.П.Грязновым работы 1956 г. количество находок значительно увеличилось, хотя материал с большинства памятников представлен небольшими сборами, коллекции с городища Елбанка, поселений Мыльниково, Бобровка, Аллак III достаточны для анализа. Рассматривая материалы того или иного памятника, мы заострим внимание на его особенностях, что важно для реконструкции историко-культурной ситуации VIII-VI вв. до н.э. Вопрос датировки этих памятников неоднократно рассматривался и здесь нет принципиальных расхождений. Актуальной остается проблема культурной принадлежности.

Поскольку материалы М.П.Грязнова с БЕ I опубликованы и подробно им проанализированы, то мы на них специально останавливаться не будем, привлекая их в качестве аналогий.

Бронзовый инвентарь.

В отличие от множества бронзовых вещей ирменской культуры, бронзовый инвентарь переходного времени весьма скромнен. Практически все бронзовые вещи происходят с пос.Мыльниково, за исключением хорошо изученных вещей с БЕ I. Оружие. Оружие представлено 10 бронзовыми наконечниками стрел. Семь из них найдено на пос.Мыльниково, один - на Елбанском городище, два происходят с Бобровского поселения.

На пос.Мыльниково обнаружен один черешковый двухлопастной наконечник стрелы (Рис.). А.М.Кулемзин, отмечая архаичность формы и технику изготовления, считает, что подобный тип среди тагарских наконечников существовал довольно долго, сохраняя свои архаичные черты, а в Сибирь попал из Средней Азии. По Н.Л.Членовой, такие наконечники относятся к типу А/1, по ее классификации, и, датируя их VII- началом VI вв. до н.э., основываясь на их сходстве со втульчатыми наконечниками типа А/6. О.А.Вишневская, анализируя двухлопастные черешковые наконечники из Уйгарака, находит им аналогии в памятниках VII-VI вв. до н.э. Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири и ищет их исходную форму в черешковых костяных наконечниках андроновской культуры. Таким образом, двухлопастные черешковые листовидной формы наконечники датируются в Барнаульском Приобье в пределах VII-VI вв. до н.э. Втульчатые двухлопастные наконечники стрел. С пос.Мыльниково происходит 6 наконечников, два - с городища Елбанка, один - с Бобровского поселения. Распространены очень широко, от Причерноморья до Тувы. К.Ф.Смирнов считал, что для всего VII в. и отчасти VI в. до н.э. в Скифии, у савроматов и в других районах наиболее характерны наконечники с овальной или лавролистной головкой с выступающей втулкой, а также ромбовидные наконечники с выступающей втулкой. На пос.Мыльниково найдены два наконечника, а на Бобровском поселении - один с симметрично ромбическим пером и выступающей втулкой. Круг аналогий им чрезвычайно широк. В Горном Алтае подобные наконечники найдены в погребениях майэмирского этапа, позднее этот этап передатирован М.П.Грязновым с VII -V вв. до н.э. на IX-VII вв. до н.э. (). По А.М.Кулемзину, в тагарских комплексах известны 16 таких наконечников. Известны они и на Нижнем Поволжье, где существовали в VII-V вв. до н.э.. Н.Л.Членова включает симметричные и ассиметричные наконечники в один тип Б/1, относя их к VII-VI вв. до н.э. В кургане Высокая могила (гробница

№ 5) близ с.Балки Запорожской области был обнаружен колчаный набор, состоящий из 38 втульчатых наконечников стрел, 9 из которых относятся к рассматриваемому типу (). Возможная дата ромбических симметричных наконечников в Барнаульском Приобье VIII-VI вв. до н.э.

Ассиметрично-ромбические наконечники с выступающей втулкой (2 экз. с Пос.Мыльниково) и пером, доходящим до нижнего края втулки (1 экз. из Бобровского поселения).

К.Ф.Смирнов отмечал, что много таких наконечников происходят из случайных находок в Степном Поволжье. Они появляются в конце карасукской эпохи в Минусинской котловине и широко употреблялись только в VII в. до н.э. и к концу его вышли из применения. Известны они и в памятниках майэмирского типа, в тагарской культуре. В Южной Сибири древнейшие формы подобных стрел найдены в кургане Аржан. Найдены они в Западной Сибири и на поселениях переходного периода от бронзы к железу Новотроицкое I, городище Завьялово I и Инбернь VI.

Г.Е.Иванов относит ассиметрично-ромбические наконечники к типу A1 a1 и периодом их наибольшего распространения в Сибири считает вторую половину VIII-VI вв. до н.э. Этим временем он и датирует эти изделия. Ромбический наконечник со скрытой втулкой происходит с Елбанского городища. В лесостепном Алтае они известны с пос.Боровое III (7 экз.) и могильника Кучук I. Широко известны такого типа наконечники в среднеазиатских и казахстанских комплексах. Датируются Г.Е.Ивановым VIII-VI вв. до н.э..

Бронзовый наконечник стрелы лавролистной формы с обрезанной втулкой найден в составе колчанного набора вместе с 45 костяными наконечниками стрел на пос.Мыльниково. По мнению К.Ф.Смирнова, форма таких наконечников довольно редка и относится к концу эпохи бронзы. С.В.Киселев отнес в Южной Сибири такие наконечники к VII-VI вв. до н.э. Близкий наконечник происходит из кургана № 84 могильника Уйгарак в Средней Азии. Данный тип наконечников для Барнаульского Приобья можно датировать VIII-VI вв. до н.э. Наконечник листовидной формы с шипом у основания с пос.Мыльниково. Ножи. Обнаружено 4 экземпляра на пос.Мыльниково.

Один из ножей прямой, пластинчатый, без обособленной рукояти, слегка раскован в верхней части. Близкий по форме нож известен из Камышинского могильника ирменской культуры, пластинчатые ножи для ирменской культуры датируются Н.Л.Членовой VIII-VII вв. до н.э. В тагарской культуре прямые плоские и длинные с закругленным верхним концом, без отверстий в ручке ножи появляются с VII в. до н.э. и существуют в VII-VI вв. до н.э. На Алтае ножи со сплошной рукоятью известны из могильников староалейской культуры РЖВ Обские Плесы II, Староалейка II. Известно несколько экземпляров из Новосибирского Приобья из могильника V-IV вв. до н.э. Ордынское I. Так же ножи этого типа широко распространены в Казахстане, Средней Азии: например, они найдены в Каргалинском могильнике в Алма-Атинской области, который А.Н.Бернштам датирует VIII-VII вв. до н.э. Возможная датировка ножа с поселения Мыльниково, с учетом всего комплекса, VIII-VI вв. до н.э. Другой нож и обломок относятся к типу ножей с выделенной рукоятью. Н.Л.Членова отмечает, что плоские ножи с прямой спинкой и небольшим уступом между ручкой и лезвием были распространены в Казахстане и Средней Азии в эпоху бронзы. Целая серия таких ножей опубликована С.С.Черниковым. В Приобье данный тип известен с поселения БЕ I, датированного М.П.Грязновым VII-VI вв. до н.э., на городище Завьялово V и с Томского могильника. Так как ножи с выделенной ручкой встречаются в Барнаульском Приобье в эпоху поздней бронзы и переходного времени, то наиболее вероятной датой их бытования здесь будет VIII-VII вв. до н.э.

Последний нож, найденный на поселении Мыльниково, хорошо датируется. Это нож с аркой на кронштейне. Данный тип Н.Л.Членова отнесла к 15 группе по своей классификации, датировав его VIII-VII вв. до н.э., отмечая "промежуточное положение между карасукскими и тагарскими ножами". Целая серия ножей с аркой на кронштейне происходит из Минусинской котловины, несколько экземпляров очень близки ножу из пос.Мыльниково. Наиболее близкие аналогии рассматриваемому экземпляру из закрытых комплексов происходят: из Зевакинского могильника, датированного Ф.Х.Арслановой VIII-VII вв. до н.э., два ножа из Томского могильника, могильника Преображенка III, а также с городища Чича I позднеирменского этапа, по В.И.Молодину), Инбернь VI и Денисовой пещеры. Мыльниковский нож уверенно датируется VIII-VII вв. до н.э.

Кельт. На поселении Мыльниково найден двушковый кельт с ушками у края втулки, переходящими в валик, опоясывающий ее край. По классификации М.П.Грязнова, этот кельт относится к третьему типу с ушками у края втулки. Третий тип восходит, по своей форме и орнаментации, к поясковым кельтам карасукского типа и датируется VII-III вв. до н.э..

Е.Е.Кузьмина, рассматривая ареал распространения кельтов специфических киммерийских форм, считает двушковые кельты позднебронзовым типом, хотя некоторые их виды встречаются в поздних комплексах. В плане аналогий очень интересен кельт с поселения Большой Лог на р.Иртыш, он двушковый с ушками у края втулки, переходящими в валик по кромке втулки.

Н.Л.Членова датирует его VIII-VII вв. до н.э., сравнивая с подобными изделиями с предананьинских памятников. Кроме того, на этом же поселении встречена керамика, относимая Н.Л.Членовой, к ирменско-большереченской. Таким образом, экземпляр с пос. Мыльниково тоже можно датировать VIII-VII вв. до н.э., рассматривая его в комплексе со всеми находками с этого памятника.

Костяной инвентарь.

Костяной инвентарь широко распространен на памятниках переходного времени. Среди него преобладают костяные наконечники стрел. Наконечники стрел. Абсолютное большинство наконечников (около 140 штук разных типов и степени сохранности) происходят с пос.Мыльниково, на Елунинском культовом месте найдено 5 наконечников, 10 - на БЕ I. Большинство наконечников с Мыльниково это законченные изделия. На поселении они встречались небольшими скоплениями (5-10 экз.). В одном случае наконечники лежали плотным пучком остриями в одну сторону в количестве 46 штук, в том числе один бронзовый. Тут же находилась небольшая застежка плохой сохранности. Это позволяет рассматривать скопление как колчаный набор. Подобные колчаные наборы хорошо известны из могильных комплексов VIII-VI вв. до н.э.: курган Аржан (мог. N 4 (12 бронзовых и 26 костяных наконечников)) (), гробница N 5 кургана Высокая могила (24 бронзовых и 14 костяных)(), но на поселениях колчаны не известны.

Многие исследователи отмечают сложность типологии и хронологии костяных наконечников, существование большого числа разновидностей. На Алтае костяные наконечники существуют с эпохи бронзы по эпоху железа. Для классификации костяных наконечников автор дипломного сочинения использует типологию А.М.Кулемзина.

Первый тип. Черешковые наконечники. В коллекции преобладают черешковые трехгранные и ромбические наконечники, встречены наконечники с шипом, с плечиками, листовидные и т.д. Меньше черешковых плоских наконечников. Выделяется два крупных черешковых трехгранных наконечника длиной 17 см. К типу черешковых относятся два наконечника с ЕКМ и десять - с БЕ I. Известны такие наконечники в эпоху поздней бронзы и существуют весь ранний железный век.

Второй тип. Втульчатые наконечники. В Мыльниково их найдено 7 штук, в ЕКМ - 3. Все наконечники четырехгранные, один из мыльниковский наконечников имеет шип у основания втулки. Подобные наконечники стрел известны из кургана Аржан, в том числе один с шипом у основания втулки, из колчанного набора гробницы N 5 кургана Высокая могила, откуда также известен наконечник с шипом у основания и на других памятниках аржано-черногоровского этапа. По мнению ряда исследователей, костяные втульчатые наконечники стрел являются прообразом таких же бронзовых наконечников, т.е. могут быть датированы в пределах VIII-VII вв. до н.э.

Третий тип. Зажимные наконечники. Встречены четыре плоских и широких наконечника этого типа в колчанном наборе. Они имеют раздвоенный насад и известны с эпохи бронзы.

Четвертый тип. Вкладышевый наконечник. Найден в составе колчанного набора. Плоской частью головки вкладывался в расщепленный конец древка. По мнению А.М.Кулемзина, эти наконечники происходят от каменных вкладышевых и являются достаточно архаичными.

Трехжелобчатые бляшки. Найдено четыре штуки, три из которых костяные, а одна из белого камня. Подобные изделия хорошо известны в памятниках аржано-черногоровского типа и бытуют в культурах скифо-сибирского мира до V в. до н.э. В Верхнем Приобье они встречены в памятниках переходного времени БЕ VII, БГМ (о чем писалось в параграфе о погребальном обряде), пос. Завьялово I, могильника у с.Зевакино.

Псалии. В Мыльниково найден обломок трехдырчатого изогнутого псалия, один изогнутый роговой псалий из землянки N 2 БЕ I. Еще три трехдырчатых псалия происходят с городища Елбанки: первый псалий слабо изогнутой формы с тремя небольшими округлыми отверстиями, равномерно расположенными по всей длине; второй псалий сильно изогнутый с тремя равномерно расположенными и находящимися в одной плоскости отверстиями, вокруг центральной части изделия утолщение, одно окончание имеет слабовыраженную "грибовидную" шляпку; третий псалий имеет дуговидную форму, отверстия располагаются по всей длине. Аналогии трехдырчатым псалиям широко известны. Наиболее близкая им находка встречена в могиле N 21 могильника БЕ XIV. Традиционная датировка такого вида псалиев VIII-VI вв. до н.э., однако конструктивные изделия городища Елбанка более ранние и изготовлены в VIII-VII вв. до н.э., а, возможно, в IX-VIII вв. до н.э. На начальном этапе культур ранних кочевников VIII-VII вв. до н.э. наблюдается тенденция к смещению отверстий к центру псалия, что и прослеживается на псалии из Мыльниково.

Из орудий труда в памятниках переходного времени Барнаульского Приобья обнаружены проколки, лопаточки, гарпуны и т.д.

Проколки. Встречены очень широко. В Мыльниково занимают второе место после наконечников, их здесь обнаружено более 20, на ЕКМ - 9, 2 на БЕ I. Близкие по форме проколки встречены на ирменских, большебереченских и других поселениях.

Лопаточки. Четыре из них найдено в Мыльниково, одна на ЕКМ (). Они имеют разные размеры, у каждой лопаточки была ручка. В позднебронзовых культурах Алтая подобные изделия не встречаются, но они известны севернее: с Еловского поселения и из могилы N 2 кургана N 6 Еловского курганного могильника II.

Штампы. Два изделия, сделанных из продольно расщепленного ребра животного и имеющих форму узкой прямоугольной пластины с зубцами с одной стороны, найдены на ЕКМ. Аналогичные предметы, обнаруженные на БЕ I, М.П.Грязнов считает орудиями текстильного производства - гребнями для прибивания утка на примитивном ткацком станке. Не исключая

этой версии применения этих изделий, А.Б.Шамшин предположил, что они могли служить штампами для нанесения орнамента на керамику.

Гарпуны. Два гарпуна найдены на поселении Мыльниково. Один из гарпунов найден в могиле N 3, другой обнаружен в поселенческом слое и имеет один ряд зубцов. Ближайшей аналогией ему является гарпун из пещеры Иульчак в Горном Алтае. Возможно также относящийся к переходному времени, т.к. там обнаружена керамика близкая к большереченской.

Оселки. В Мыльниково найден узкий целый экземпляр и широкий, обломанный в древности (погребение N 4). На поселении БЕ I обнаружен широкий обломок оселка. Оселки имеют сверленные отверстия, видимо, для подвешивания к поясу. Встречены они и в могильных комплексах БЕ и БГМ (подробнее об этом писалось выше в параграфе о погребальном инвентаре). Керамика.

Керамика для поселений переходного времени является наиболее массовой категорией инвентаря. Материалы поселения Мыльниково представлены серией более тысячи сосудов, керамический комплекс БЕ I не менее 400 сосудов, на ЕКМ зафиксированы обломки от 100 сосудов. Кроме этого, надо отметить наличие на данных памятниках развалов и целых сосудов. Разрабатывая типологию керамики для комплекса БЕ, М.П.Грязнов выделил две основные формы сосудов: плоскодонная - корчаги и горшки с яйцевидным туловом и слабоотогнутым наружу краем венчика и полусферическая - чашки и горшки с прямыми в верхней части стенками. Основное отличие двух указанных форм заключается в технике их производства. Первая группа изготовлялась налепом кольцевых лент, вторая - формована из одного кома глины ().

Т.Н.Троицкая, анализируя этот же керамический комплекс, разделила керамику на пять типов: первый тип - слабопрофилированные горшки с широким горлом или слегка отогнутой шейкой и слабовыпуклыми плечиками. Второй тип - сосуды баночной формы. Третий тип - небольшие круглодонные сосуды с прямой или слабоотогнутой шейкой, иногда без шейки, со слабопрофилированными плечиками. Четвертый тип - малочисленный, сосуды с короткой прямой или слабоотогнутой шейкой, приплюснутым туловом и выпуклыми плечиками. Сосуды пятого типа единичны. Это небольшие низкие широкогорлые мисочки. Орнаментация всех типов посуды одинакова.

Наиболее адекватным нам кажется подход А.Б.Шамшина (поддержавшего схему М.П.Грязнова). Он выделил два типа сосудов по форме и отдельно рассматривал сосуды не образующие серии, а основное внимание сосредоточил на орнаментальной схеме, исходя из которой, разделил керамику на четыре группы. К первому типу относится большая часть керамики с поселений. Это крупные плоскодонные корчаги и более мелкие сосуды слабопрофилированные горшковидной либо чаще баночной формы, изредка встречены "закрытые" банки. По орнаментации сосуды делятся на три группы.

Первая группа. Характеризуется наличием сильных позднебронзовых традиций. Употребляются следующие орнаментальные мотивы: ряды сеточек и елочек, разделенных каннелюрами и рядами ямок, зигзаги, ромбы, треугольники, в том числе обращенные друг к другу, подчеркивание ямками геометрических фигур, жемчужник с разделителем. В этой группе можно выделить две подгруппы, связанные с разными культурными традициями: корчажнинская - ряды сеток и елочек, разделенных ямками и каннелюрами и ирменская (прослеживается слабее) - прочерченные линии, зигзаг, ромбы, подчеркивание уголков геометрических фигур ямками. В то же время обе эти подгруппы имеют черты характерные для переходного времени: двойной ряд жемчужника с разделителем, ряды насечек по краю венчика и др.

Керамика первой группы наиболее ярко представлена на поселении Мыльниково, где она составляет не менее половины, в меньшем количестве она известна с ЕКМ, БЕ I и Бобровского поселения, отдельные фрагменты встречены на других поселениях большереченской культуры переходного времени. Вторая группа. В ней преобладают сосуды с обедненным орнаментом, который нередко состоит лишь из двойного ряда жемчужника с разделителем, иногда разделенного сеткой, елочкой, наклонными отпечатками штампа. Эта группа встречается чаще, чем первая. На поселении Мыльниково ее около 50 %, на поселениях БЕ I, ЕКМ, Аллак III, на городище Елбанка этот тип керамики составляет основу комплекса.

Третья группа. Керамика с крестовым штампом. Количественно эта группа невелика и выделяется условно, так как появление крестового штампа на керамике переходного времени Приобья не изменяет орнаментальную схему, он в нее органично вписывается. Отпечатки креста выступают в роли разделителя в жемчужнике, делят декор на зоны; замещают такие элементы, как сетка, прочерченные линии, зигзаг, образуют геометрические фигуры. Крестовый орнамент присутствует в орнаментации обеих предыдущих групп. Данный вид орнаментации встречается в керамических комплексах поселений по-разному. На поселениях Мыльниково, БЕ I он образует серии, а на других найдены один - два фрагмента.

Второй тип. Это полусферические чашки и небольшие горшки. Количественно второй тип уступает первому. Большая часть чашек имеет круглое дно, хотя единично встречаются сосуды и с плоским. Украшены они геометрическими фигурами, рядами елочки, сетки, зигзага, по орнаментальной композиции они ближе к первой группе первого типа. К сосудам не образующих серий относится сосуд на поддоне из Мыльниково и две чашечки с зооморфным налетом с ЕКМ.

Как уже отмечалось выше, первая группа керамики отражает процесс трансформации позднебронзовых традиций и появление новых черт в орнаментации характерных для переходного времени. Эта группа характеризует керамический комплекс мыльниковского этапа большереченской культуры переходного времени. Керамика второй группы преобладает на поселениях, относящихся уже к позднему ближнеелбанскому этапу этой же культуры. Ни на одном поселении выделенная группа керамики не присутствует в чистом виде и каждый керамический комплекс имеет яркие, только ему присущие черты: на городище Елбанка практически вся посуда орнаментирована гребенчатым штампом, а на Бобровском поселении - гладким.

Об особенностях погребального керамического комплекса уже писалось выше, на нем преобладает керамика второго типа - неорнаментированные чашечки, а на поселениях эта группа малочисленна. В орнаментации прослеживается связь с ранним мыльниковским этапом, особенно с комплексом поселения Мыльниково. Это выразилось в использовании такого орнаментального мотива, как зигзаг и наличие в погребении N 55 БГМ полусферической чашечки со сливом. Орнаментальные мотивы, характерные для большереченской керамики переходного времени, широко известны в памятниках VIII-VI вв. до н.э. Верхнего Приобья. Прежде всего это городище Завьялово I, V в Новосибирской области. Этот керамический комплекс характеризуется практически теми же признаками орнамента, что и поселение Мыльниково: двойной ряд жемчужника с разделителем, крестовый штамп, зигзаг, елочка, сетка и т.д.. Городища датируются VII - VI вв. до н.э.. Поселение Линево I, датируется VIII в. до н.э. В чертах этого комплекса много северных элементов: косой крест, струйчатый штамп, но присутствуют и большереченские: двойной ряд жемчужника, зигзаг. На поселениях Туруновка IV, Чича I керамика, относимая В.И.Молодиным к позднеирменскому этапу, орнаментирована двойным рядом жемчужника, крупной резной сеткой, елочкой. Общей чертой, объединяющей керамику этих памятников, является двойной ряд жемчужника. Появление этого элемента В.И.Молодин соотносит с началом переходного времени от бронзы к железу.

Глава III

Культурно-историческая ситуация в Барнаульском Приобье в VIII-VI вв. до н.э.

Воссоздание культурно-исторического процесса на территории Барнаульского Приобья является важнейшей и довольно сложной задачей. Это связано с тем, что в отличие от более северных таежных территорий, где веками шло непрерывное развитие одних культурных традиций, не осложненное значительными миграциями и сменой населения, в лесостепи, в том числе в исследуемом районе, шло постоянное взаимодействие местного и пришлого населения. Приток в лесостепь и южную часть таежной зоны мигрантов как с юга, так и с севера был связан с затруднением в ведении традиционного хозяйства в прежних районах обитания. Особенно эти процессы усилились в переходное время от бронзы к железу.

В период VIII-VI вв. до н.э., называемый некоторыми исследователями раннескифским, основные типы инвентаря становятся общими для широкого спектра культур. Например, определенные типы наконечников стрел известны от Причерноморья до Тувы. Поэтому основной культурнозначимой категорией становится керамика. Для определения культурной принадлежности отдельных памятников, выяснения генезиса археологических культур, установления направления культурных связей, первостепенное значение имеют орнаменты на керамике.

М.Ф.Косарев отмечает, что "...западно-сибирская керамика с ее выразительной орнаментацией, характерной традиционностью орнаментальных мотивов и широким распространением является наиболее важным и объективным источником при определении границ культурных областей, выяснения преемственности культурного развития, выяснения характера и направления культурных связей". Как уже говорилось выше, керамический комплекс поселения Мыльниково несет в себе ярковыраженные черты синтеза позднебронзовых культур с преобладанием корчажкинских традиций.

Так как материалы этого поселения датируются второй половиной VIII-VII вв. до н.э., то нижнюю границу переходной эпохи можно определить втор.пол. VIII- концом VIII вв. до н.э. В связи с этим, автор считает нужным рассмотреть материалы памятника Крестьянка IX, отнесенный Г.Е.Ивановым к позднеирменскому этапу, датируемый концом VIII - началом VII вв. до н.э. Среди материалов ирменского типа, присутствует два сосуда с инокультурными чертами: сеткой между двойным рядом жемчужника и выгнутым наружу венчиком "молчановского" вида. Подобная форма венчика характерна для молчановской культуры Томского Приобья. Появление венчиков молчановского типа и керамики с крестовым штампом в Верхнем Приобье традиционно связывается с проникновением северных таежных элементов. Появление в ранних керамических комплексах большереченской культуры лесных черт, свидетельствует о наличии мигрантов с севера в местной среде уже в начале переходной эпохи.

Керамика с крестовым штампом встречена в десяти пунктах лесостепного Алтая, но представлена она по разному: от нескольких фрагментов - пос. Аллак III, Бобровка, Обские Плесы I, Крестьянка, Костенкова Избушка, городище Солонцы III до более или менее крупных серий - поселения Мыльниково и БЕ I. Известны эти материалы и из БГМ, откуда происходят два сосуда: один из разрушенного погребения в обломках и целый сосуд из могилы. География распространения керамики с крестово-штампованным орнаментом, привязана к обской речной системе и Приобскому лесному массиву. Памятники идут полосой вдоль поймы р.Оби, по кромке бора от границы Новосибирской области (Аллак III) и до верховьев р.Бии (Солонцы III).

Анализ поселенческих материалов памятников переходного времени Барнаульского Приобья показывает, что внедрение в орнаментальную композицию большереченской керамики крестового штампа практически не изменяет ее. Так, отпечатки крестового штампа используются в качестве разделителя жемчужника, появляются пояса в виде сеток, нередко крестовые свисающие треугольники, зигзаг, т.е. крест, выступая в роли заместителя ругих элементов орнамента: ямок, вертикальных черточек, прочерченных линий, сетки, выполненной

гладким штампом, косых отпечатков гребенчатого штампа, не вносит в декор новых орнаментальных мотивов.

Как уже отмечалось, мы имеем на БГМ два сосуда с крестовым штампом. Сосуд из разрушенной могилы имеет сплошное заполнение стенок орнаментом, ряды крестового штампа чередуются на нем с поясами наклонных отпечатков гребенчатого штампа. Композиция второго сосуда не имеет деления на зоны, отпечатки крестового штампа занимают верхнюю его половину, по плечикам они образуют ряд свисающих вниз треугольников. Ближайшие аналогии этим двум сосудам мы имеем в материалах Томского Приобья. В соседней могиле был обнаружен сосуд, орнаментированный двумя рядами зигзагов. Учитывая дату БГМ не позднее VII в. до н.э., то, возможно, в период функционирования этого могильника, процесс смешения мигрантов и автохтонного населения продолжался. Таким образом, керамические комплексы показывают культурное единство оставившего их населения, возможно, насколько это позволяют судить материалы могильника, пришлое и местное население находилось в определенном этнокультурном родстве (наличие на могильнике сосудов разнокультурной традиции). Так же отметим, что небольшое количество памятников переходного времени в Барнаульском Приобье, где представлена керамика с крестовым штампом, а также малое количество самих этих материалов, свидетельствует о незначительном влиянии населения - "носителя" крестовой керамики в Барнаульском Приобье. Не изменившей местной большебереченской линии развития. Уже на бийском этапе крестовый штамп исчезает из орнаментации полностью.

Другое направление миграционной волны связано в появлении в керамических комплексах переходного времени керамики с валиком. Этот тип орнаментации зафиксирован в пунктах Мыльниково, БЕ I, Крестьянка, Елбанка. Надо отметить тот факт, что подобный орнамент не известен в позднебронзовое время в районе Барнаульского Приобья, но широко встречается в памятниках РЖВ. Хорошо датированные комплексы с валиковой орнаментацией происходят из Кулунды (). На памятниках VIII-VI вв. до н.э. валик встречается вместе с крестовым штампом на сосудах ближнеелбанского типа и также как крест не нарушает декор. Ввиду отсутствия чистых комплексов, и, исходя из датировки ближнеелбанского этапа, временем появления валиковой орнаментации в Верхнем Приобье можно считать VII-VI вв. до н.э.

Таким образом, в период VIII-VI вв. до н.э. выделяются две крупные подвижки населения в Барнаульском Приобье. Первая, связана с меридиальным движением по обской речной системе с севера групп носителей "крестовой" керамики. Вторая - характеризует широтное направление - это миграции из районов Восточного Казахстана и Кулунды групп населения, возможно, связанных с культурами валиковой керамики позднебронзовой эпохи.

Кроме выделенных направлений миграций, обращает на себя внимание неоднородность керамических комплексов памятников большебереченской культуры, несмотря на наличие общей орнаментальной схемы каждый памятник несет свои своеобразные черты. И дело здесь не только в хронологическом различии. Среди орнаментов керамики Бобровского поселения (датируемого VIII-VII вв. до н.э. раннескифским наконечником стрелы) преобладает елочка, выполненная гладким штампом, густо покрывающая шейку, а иногда и верхнюю часть тулова сосуда. Достаточно част на бобровской керамике кольчатый штамп. Сочетание елочки с ямками типично для корчажкинской керамики позднего бронзового века, но в комплексе так же встречаются орнаментальные мотивы, характерные для других традиций: зигзаг, крест, ромб. Здесь, на поселении Бобровка, хорошо прослеживается доживание корчажкинской линии орнаментации до большебереченской эпохи в ограниченном лесном районе.

В другом пункте - городище Елбанка (датируемое трехдырчатыми псалями VIII-VII вв. до н.э.()), орнамент характеризуется теми же мотивами, что и другие комплексы переходного времени: двойной ряд жемчужника с разделителем, зигзаг, сетка и т.д. Но в технике его

исполнения господствует гребенчатый штамп. Налицо своеобразное отличие двух памятников, существовавших в одно время. То есть внутри единой большереченской культуры существуют памятники, отражающие локальные особенности оставившего их населения. Возможно, это связано с современным состоянием источниковой базы, т.к. памятники, давшие наиболее яркие комплексы, характеризуются большим количеством материала и объемом проведенных на них работ.

Процесс генезиса большереченской культуры хорошо фиксируется в Барнаульском Приобье, в других районах Алтайского края памятники VIII-VI вв. до н.э., материалы которых бы фиксировали позднебронзовые традиции, пока не известны. Обращает на себя внимание большое количество материала встреченного на раскопанных поселениях: целые сосуды, наконечники стрел, бронзовый инвентарь, орудия труда и т.д. Еще в 1956 г. М.П.Грязновым была выдвинута мысль, что жизнь на таких поселениях не затухла сама собой, а прекратилась в результате военного набега. При сравнении могильников VIII-VI вв. до н.э. и ранних могильников староалейской культуры, выделяются некоторые общие черты: похожие формы погребальной посуды, наличие мясной заупокойной пищи и прокала над могилой, сходство некоторых категорий инвентаря (бронзовых пластинчатых ножей, костяных и бронзовых наконечников стрел), а один погребенный на могильнике Обские Плесь II был уложен на боку головой на ЮЗ, но с типичным инвентарем РЖВ. При рассмотрении же поселенческих комплексов переходного времени и РЖВ Барнаульского Приобья существуют отличия. Ведущей формой керамики РЖВ стали баночные сосуды чаще орнаментированные одним рядом жемчужника. Гораздо более близки между собой памятники ближнеелбанского этапа Барнаульского Приобья VIII-VI вв. до н.э. и памятники бийского этапа большереченской культуры, локализующиеся, в основном, в верховьях р.Оби и низовьях рр.Бии и Катунь. Это выразилось как в форме сосудов (плоскодонные банки), так и в орнаментации (жемчужник, зигзаг, сетка, наклонные линии). М.Т.Абдулганеев связывает это с проникновением сакских элементов во второй половине VI в. до н.э. в Верхнее Приобье и вытеснением ими большереченцев из традиционных мест обитания.

Историко-культурная ситуация в переходное время от бронзы к железу в Верхнем Приобье реконструируется во многом гипотетически. Видимо, во второй половине VIII-VI вв. до н.э. На территории Барнаульского Приобья начинается процесс трансформации позднебронзовых культур в культуру переходного времени, причем доминирующей была корчажкинская традиция (поселение Мыльниково). Вероятно, это было связано с оттоком части ирменского населения, в связи с ухудшением экологической ситуации в районах приобского бора и возникшими с этим затруднениями в ведении традиционного хозяйства (). Примерно с рубежа VIII в. до н.э. материалы памятников Барнаульского Приобья фиксируют появление на этой территории северных таежных групп. Их быстрое проникновение свидетельствует, что местное население находилось в культурном родстве с мигрантами. Как показывают источники, процесс инфильтрации в аборигенную среду пришлых групп - носителей крестовой керамики носили эпизодический характер и уже к концу VI в. до н.э. не фиксируется. Вместе с крестовым компонент, определенную роль в сложении большереченской культуры сыграло население эпохи финальной бронзы с валиковой орнаментацией из районов Кулунды. Валик довольно часто встречается на керамике ближнеелбанского этапа (пос. БЕ I). По всей видимости, в это время, несмотря на распространение на памятниках предметов раннескифского типа, население Верхнего Приобья входило в состав большой культурно-исторической общности, гамаюно-каменогорской (на западе) и молчановско-сургутской (на востоке). Существовавшей параллельно раннескифскому периоду. Начиная с VI в. до н.э., в Верхнее Приобье начинается массовое проникновение носителей культурных традиций скифского мира. Местное население переходного времени было частично ассимилировано и вошло в состав староалейской культуры РЖВ, а частично было вытеснено в более южные районы (район г.Бийска), сформировав памятники своеобразного бийского типа. В конце VI в. до н.э. большереченская линия развития, возникшая как результат синтеза позднебронзовых, ирменской и корчажкинской, культур была прервана.

Заключение

Рассмотрение памятников VIII-VI вв. до н.э. Барнаульского Приобья позволило выявить культурные, территориальные и хронологические связи между ними, выделить основные черты погребального обряда грунтовых могильников и особенности керамических комплексов поселений.

Обобщение и исследование материалов памятников позволило выделить типы орнаментации, не характерные для позднебронзового населения Барнаульского Приобья, что, безусловно, свидетельствует о наличии миграционных процессов в переходное время от бронзы к железу, а также разделить внутри керамических комплексов поселений две линии развития, восходящих к культурам финальной бронзы Алтая. Это позволяет сделать вывод о том, что в VIII-VI вв. до н.э. здесь проживало население, связанное с корчажкинской и ирменской культурами, но в среде которого выделяются две группы мигрантов. Формирование большереченской культуры переходного времени, видимо, происходило на основе местной корчажкинской культуры со значительным участием ирменского компонента. Это особенно ярко заметно на раннем мыльниковском этапе (VIII-VII вв. до н.э.) ее сложения.

Примерно в VIII в. до н.э. на памятниках Барнаульского Приобья появляется керамика с крестовым штампом, связанная с миграцией групп таежного населения с севера. По всей видимости, местное население и мигранты имели какие-то общекультурные корни, что свидетельствуется быстрым распространением инокультурной орнаментации и ее органичным вписыванием в декор. Но это проникновение не носило постоянный характер и было малочисленным, и уже на бийском этапе оно исчезает. Вторая миграционная волна соотносится с продвижением с запада групп населения связанных с валиковыми культурами, но наибольшее распространение валик получил уже в культурах РЖВ. В VI в. до н.э. племена Барнаульского Приобья начинают активно вовлекаться в круг культур скифо-сибирского мира. Это было связано с внедрением в местную среду носителей традиций культур скифского типа. Часть населения была ассимилирована и приняла участие в сложении староалейской культуры РЖВ, а часть оттеснена в низовья рр. Бии и Катунь, где на их базе формируются памятники бийского этапа большереченской культуры. На рубеже VI в. до н.э. большереченская линия развития, связанная с традициями поздней бронзы, в Барнаульском Приобье прерывается

Список использованных источников и литературы

1. Абдулганеев М.Т. Заключительный этап большереченской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С.98-100.
2. Абдулганеев М.Т. Бийский этап // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С.91-105.
3. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С.106-109.
4. Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С.51-56.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С.52-55.
6. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1964. 215 с.
7. Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII-VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46-60.

8. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак - новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 3-15.
9. Бернштам А.М. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. 1952. N 26. 346 с.
10. Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. 120 с.
11. Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 140 - 149.
12. Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 73-93.
13. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в 7 - 5 вв. до н.э. М., 1973. 158 с.
14. Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР // Монгольский археологический сборник. М., 1962. С.22-31.
15. Грач А.Г. Древние кочевники в уентре Азии. М., 1980. 256 с.
16. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. ХУШ. М., 1947. С. 9 - 17.
17. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. МИА. N 48. М.-Л., 1956. 256 с.
18. Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 139 - 144.
19. Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
20. Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С.3-8.
21. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120с.
22. Зданович Г.Б., Шрейбер В.К. Переходные эпохи в археологии, аспекты исследования // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 3-20.
23. Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С.6- 27.
24. Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века из лесостепного Алтая//Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56-62.
25. Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С.85-89.
26. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Орозбаев А.М. Древние культуры Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 425 с.
27. Кирюшин Ю.Ф., Масленникова Г.В., Шамшин А.Б. Работы алтайской экспедиции // АО - 1980. М.,1981. С.181-182.
28. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.104-128.
29. Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Итоги исследований археологических памятников на оз.Иткуль // Барнаулу 250 лет. Барнаул. 1980. С.59-61.
30. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культуры народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С.161-181.
31. Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. М., 1970. N 2. С.48-62.
32. Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА. N 24. М.-Л., 1953. С.7-50.
33. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

34. Косарев М.Ф. К проблеме переходных историко-археологических периодов // Вторые исторические чтения памяти Грязнова М.П. Омск, 1992. С. 44.
35. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая // Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1980. С. 120-128.
36. Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 30-41.
37. Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 43-56.
38. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 336 с.
39. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 280 с.
40. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Часть IV. Вып. 12. 196 с.
41. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века в лесостепи Западной Сибири // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 62-77.
42. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1986. 125 с.
43. Молодин В.И., Каланцов С.Ф. Туруновка IV - памятник переходного времени от бронзы к железу // Археология Юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69-86.
44. Папин Д.В. Проблема переходного времени в Верхнем Приобье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Часть II. Иркутск, 1996. С. 54-57.
45. Папин Д.В. Проблема миграции носителей крестовой орнаментации в Верхнем Приобье // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 78-79.
46. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. М., 1961. N 101. 168 с.
47. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 224 с.
48. Троицкая Т.Н. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в 7 - 6 вв. до н.э. // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 150-163.
49. Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 54-69.
50. Троицкая Т.Н., Зах В.А. и др. Новое о завьяловской культуре // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 103-116.
51. Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в 7 - 4 вв. до н.э. // ВАС. Научные труды НГПИ. Новосибирск, 1972. Вып. 38. С. 13-24.
52. Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке. Автореф. диссертации на соискание доктора исторических наук. Новосибирск, 1981. 38 с.
53. Троицкая Т.Н. Керамика переходного периода поселения Ближние Елбаны // Древняя керамика Сибири. Новосибирск, 1990. С. 114-132.
54. Уманский А.П. Археологические памятники долины реки Чумыш // Известия Алтайского отдела географического общества СССР. Барнаул, 1965. Вып. 5. С. 212-213.
55. Фролов Я.В. К вопросу о бийском этапе // Археологические исследования Алтая. Барнаул, 1989. С. 69-70.
56. Фролов Я.В. К вопросу о погребальном обряде могильников переходного времени от бронзы к железу на Ближних Елбанах // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 80-82.

57. Фролов Я.В., Папин Д.В. Материалы переходного времени от поздней бронзы к РЖВ из коллекции Н.С.Гуляева, собранной у с.Большая Речка в 1903 г., хранящейся в АККМ // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995.
58. Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел РЖВ северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 25.
59. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. 1960. N 88. 272 с.
60. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 298 с.
61. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с.
62. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы Западной Сибири. М., 1994. 170 с.
62. Шамшин А.Б. К археологической карте Причумышья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 52-66.
63. Шамшин А.Б. Поселение Мыльниково - памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифо-сибирская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 100-102.
64. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 111- 115.
65. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье 8 - 6 вв. до н.э. // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С.116-129.
66. Шамшин А.Б. Аллак 3 - поселение эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу на р.Оби // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С.39-47.
67. Шамшин А.Б. Погребальный обряд Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1992. С.103-106.
68. Шамшин А.Б. Историко-культурная ситуация в лесостепном Алтайском Приобье в переходное время от бронзы к железу // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 87-89.
69. Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Поселение Обские Плесы 1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч.2. С.163-167.
70. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник (работа в печати). Архивные материалы
71. Бородаев В.Б. Отчет о работах в 1979 г. Архив ЛАИЭ. N 9.
72. Кадиков Б.Х. Предварительный отчет об археологической разведке Бийского музея в 1956 г. Бийск, 1957. Фонд БКМ.
73. Кирюшин Ю.Ф. Отчет о работах алтайской археологической экспедиции в 1979 г. Барнаул, 1980. ЛАИЭ. N 7.
74. Марков А.П. Древнее население Алтая по археологическим данным // Архив БКМ. Фонд 2. Дело 23. N 2.
75. Шамшин А.Б. Отчет об археологических исследованиях Приобского отряда алтайской археологической экспедиции летом 1984 г. в Алтайском крае. Барнаул. 1984. Архив ЛАИЭ. N 40.
76. Шамшин А.Б. Отчет об археологических исследованиях приобского отряда алтайской археологической экспедиции летом 1985 г. Барнаул, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ - Алтайский государственный университет.
- АККМ - Алтайский краевой краеведческий музей.
- АО - Археологические открытия.
- АСГЭ - Археологический сборник государственного Эрмитажа.

- БКМ - Бийский краеведческий музей.
- ВАС - Вопросы археологии Сибири.
- ВАУ - Вопросы археологии Урала.
- ИЗВ.АН СССР - Известия Академии наук СССР.
- ИЛАИ - Известия лаборатории археологии и истории.
- СИА - Краткие сообщения института археологии.
- КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- МИА - Материалы и исследования по археологии.
- НГПИ - Новосибирский государственный педагогический институт.
- СА - Советская археология.
- САИ - Свод археологических источников.
- УЗ ТУНИИЯЛИ - Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.